

Глава 1. Пробуждение

Приближался Чжунъюань, Праздник духов.

Несмотря на палящее солнце, улица Цинши гудела жизнью. Торговцы и разносчики наперебой предлагали всевозможные фонарики, толпа то и дело останавливалась, чтобы спросить цену, и оттого на неширокой улице становилось совсем тесно.

Из плотной массы людей, одетых в грубые домотканые рубахи и снующих с плетёными коробами за спиной, с трудом протиснулся юноша. Кожа его отливала нездоровой бледностью, а на кончике изящного носа от зноя выступили крошечные бисеринки пота. Порыв ветра прижал к телу лёгкие одежды из зелёного шёлка, обрисовав тонкий, хрупкий стан.

Он недовольно нахмурился, явно тяготясь людской сутолокой. Его нетвёрдая, неуверенная походка выдавала слабость, а во всём облике сквозило желание укрыться от оглушающего шума.

Су Лин покинул дом дяди в порыве гнева и после двух часов тряски в телеге, запряжённой волком, наконец добрался до города. Он нахмурился, коснувшись живота — желудок, не выдержав долгого пути, мучительно свело от голода.

Юноша подошёл к лавке с паровыми булочками и, бросив взгляд на цены, написанные на куске бурой ткани, достал четыре монеты.

— Две булочки с мясом.

Хозяин лавки с улыбкой кивнул и проворно завернул дымящиеся булочки в промасленную бумагу. Протягивая свёрток, он заметил, как покупатель брезгливо, кончиками пальцев, взял его за самый уголок, словно боясь запачкаться. Улыбка торговца померкла. Он вложил булочки прямо в ладонь Су Лина, и его пальцы в этот миг коснулись руки юноши.

— Держи, молодой господин. Только из паровой корзины, горячие.

«Что за барские замашки? Брезгует мной, а булочки покупает. Кривляка».

Чужой голос внезапно прозвучал в ушах Су Лина. Он вскинул голову, но торговец молчал, усердно протирая тряпкой прилавок.

Впрочем, юноша не удивился. С тех пор как он вошёл в город, ему пришлось выслушать мысли бесчисленного множества прохожих. Радостные и унылые, бессвязные и обрывочные, они без спроса лезли в уши, вызывая лишь досаду и раздражение.

Он тщетно пытался отыскать источник звука, зажать уши, крикнуть, чтобы люди не говорили ему прямо в голову. Но вокруг толпились молчаливые прохожие, спешащие по своим делам, и долгий взгляд в чью-то сторону вызывал лишь недоумение в ответ. Нескончаемый поток чужих мыслей раскалывал голову, под палящим солнцем по спине пробегал озноб, а лоб покрывался холодной испариной. Беспрестанные толчки выбивали из колеи, и он уже не понимал — жив ли он или всё-таки умер от болезни?

Солнце палило нещадно, вызывая тревогу.

Желудок послушно заурчал.

— Да, он всё ещё жив.

Просто, проснувшись однажды утром, он обрёл способность слышать чужие мысли.

Беря булочки, он старался избегать прикосновений, но всё равно услышал голос торговца. В другое время его вспыльчивый нрав не позволил бы смолчать, но сейчас у него попросту не было сил на перепалку.

Он взял свёрток и направился к неприметной двери в переулке позади лавки. Хозяин, проводив его взглядом, лишь подумал, какому же бедолаге-рабу придётся терпеть капризы этого молодого господина.

Су Лин, не догадываясь о мыслях торговца, шагнул было в тёмный проход торговой гильдии, но тут же замер на пороге.

«Неужели я и вправду куплю незнакомого мужчину?»

Но раз уж пришёл, отступить было поздно.

Утром он в гневе бросил несколько резких слов и выбежал из дома дяди. Его отказ от брака и заявление о намерении купить себе мужа дядя с тётушкой восприняли как пустую болтовню, лишь посмеявшись над его дерзостью.

Наверное, они считали его, болезненного и одинокого гэ'эра, лёгкой добычей, с которой можно не считаться.

«Будь отец жив, они бы лебезили передо мной».

После внезапной смерти отца Су Лин, сражённый горем, слёг с сильной горячкой. Его и без того слабое здоровье пошатнулось, и он провёл несколько дней без сознания. Тётушка, проявляя заботу, пока он лежал в постели, заговорила о том, что хочет устроить его брак, дабы

в будущем о нём было кому позаботиться.

Су Лин тогда подумал, что его слабое здоровье действительно требует ухода. После смерти отца дядя с тётушкой приютили его, но в их доме с четырьмя комнатами на пятерых и так было тесно, а с ним — и подавно. Хотя они и заботились о нём так, что он почти не чувствовал себя чужим, мысль о собственном доме казалась заманчивой. Не придётся больше никого стеснять.

Погружённый в такие размышления, он не стал сразу отказывать тётушке, пообещав подумать.

Но той же ночью ему приснился кошмар.

В том сне он вышел замуж. Поначалу муж, очарованный его внешностью, был добр, но, разбогатев, завёл себе трёх жён и четырёх наложниц, а Су Лина попрекал бесплодием.

Вид измученного, измождённого себя из сна заставил его в ярости сжать кулаки, и от переполнявшего гнева он проснулся.

Очнувшись, он увидел тётушку, сидевшую у его кровати. Она с тревогой спрашивала, что случилось, не приснился ли ему опять кошмар об отце. Пока Су Лин приходил в себя, тётушка коснулась его лба.

— Жар спал. Ты так напугал нас с дядей в эти дни.

«Какой хорошенький. Откормить его до румянца, и можно будет содрать с того негодяя ещё пять лянов серебра».

Два совершенно разных голоса, прозвучавшие один за другим, ошеломили Су Лина. Он замер, непонимающе глядя на тётушку. Второй голос, казалось, принадлежал демону в обличье родного человека, что, тайно точа когти, с жадностью разглядывал свою добычу.

Су Лин смотрел на обеспокоенное лицо тётушки, и ему чудилось, будто всё это — лишь слуховая галлюцинация. Вскоре в комнату вошёл дядя. Он тоже принялся участливо расспрашивать о его самочувствии. Увидев, что Су Лин смотрит на него невидящим взглядом, он коснулся его лба.

— Жара нет. Что с тобой?

Су Лин молча покачал головой, до боли сжимая кулаки под одеялом и не сводя глаз с добродушного лица дяди. Прежде худощавое, оно округлилось от сытой жизни, отчего казалось ещё более благодушным и исполненным родственной любви. Но в то же время перед глазами стоял другой образ — одутловатое лицо с жадным, расчётливым выражением.

— Что с нашим Лином? — спросил дядя.

Тётушка поправила одеяло, с тревогой глядя на его бледное лицо.

— Не знаю, но жар спал, и то хорошо. Я велю зарезать курицу, чтобы ты поправился.

При слове «курица» дядя бросил на неё недовольный взгляд. В хозяйстве осталась всего одна несушка. Раньше он зарезал бы её не моргнув глазом, но теперь приходилось жить экономнее. После смерти младшего брата, отца Су Лина, эта курица стала главной кормилицей в доме.

— Зарежешь несушку — чем потом Лина яичным пудингом кормить? — прошипел он, незаметно подталкивая жену ногой.

Тётушка, сделав вид, что не поняла намёка, с ободряющей улыбкой повернулась к Су Лину.

— Не волнуйся, Лин. Твой дядя недавно нашёл щедрого покупателя на лесные товары, так что скоро у нас будут деньги.

Затем она бросила на мужа косой взгляд.

«Не пожертвуешь малым — не получишь большего. Откормим Су Лина до белизны и пышности, может, и цену для того негодяя поднимем».

Дядя тут же всё понял. Он наклонился к Су Лину, разглядывая его белое, как тофу, лицо.

— Да, это правда. Покупатель, правда, сказал, что товар не лучшего качества, так что цену сбавил.

Тётушка, посчитав, что муж слишком прямолинеен, поспешила вмешаться.

— Лин, не беспокойся, ешь побольше. Как окрепнешь, подыщем тебе хорошую партию, выберем благоприятный день и отправим в новую семью. Не сочти меня навязчивой, но времена изменились. Отца у тебя больше нет, ты один на свете. Со своим здоровьем тебе будет нелегко родить, а тут человек готов взять тебя на содержание. Такое счастье и с фонарём не сыщешь.

«С твоими-то данными перебирать не приходится, радуйся, что хоть кто-то берёт».

— К тому же, жить будете в одной деревне. Пусть о нём и ходят дурные слухи, но мужчины до женитьбы все ветрены, любят погулять. А как семью заведут, так сразу остепеняются, о доме заботятся. Если он после свадьбы посмеет тебя обидеть, зная, что ты сирота, мы с дядей за

тебя заступимся.

Тётушка картинно утерла уголки глаз, словно смахивая слезу.

— Эх, и горькая же у нашего Лина судьба.

Она всхлипнула для вида и взглянула на Су Лина. Тот молчал, опустив глаза и закусив губу до крови, — олицетворение кротости и покорности. Глядя на него, тётушка, казалось, что-то вспомнила.

— Кстати, Лин, твой отец держал в городе аптеку. Он ведь оставил тебе приданое?

Су Лин в изумлении поднял на них глаза. Тётушка и дядя говорили о лесных товарах, но он слышал их истинные мысли. Два родных лица, полные показного сочувствия, теперь казались ему чужими и пугающими. Они лишь прикидывали, как бы повыгоднее его продать.

«Этот негодяй говорил, что Су Лин болен и может оказаться бесплодным. Хотел сбить цену с пятнадцати лянов до десяти. Не позволю утке, что сама в руки летит, улететь!»

«Сначала успокоим его. Сирота, больной гэ'эр, что он может сделать?»

Услышав это, Су Лин почувствовал, как мир уходит из-под ног. В полутёмной комнате перед его кроватью маячили два хищных оскала. В груди закипала ярость. Собрав остатки самообладания, он заговорил, но от сжатых до боли челюстей голос дрожал.

— Приданое? Лесные товары?

— Вы продадите лесные товары и отдадите мне деньги в качестве приданого?

— Ну что ты, — тётушка на мгновение растерялась, но тут же расплылась в улыбке, отчего морщинки у глаз стали глубже. — Не забивай себе голову, дитя. Тётушка обо всём позаботится. Ты только поправляйся. Мы проводим тебя с почётом.

— Да, поправляйся. Если он будет доволен, то и мы будем счастливы, — в её голосе прорезались властные нотки.

Су Лин вцепился пальцами в ладони так, что костяшки побелели. Ярость, которую он сдерживал, вырвалась наружу.

— Доволен? Что значит доволен? Это значит, выгодно меня продать?

— Вы меня за дурака держите? Какие лесные товары? Вы просто хотите продать меня этому негодяю!

Голос Су Лина сорвался на крик. В его глазах, прежде тусклых, вспыхнул огонь. Он хотел разглядеть, действительно ли перед ним те самые дядя и тётушка, что с детства любили и баловали его. Те, кто всегда был добр к нему, за его спиной сговорились его продать.

— А теперь вы ещё и на моё приданое позарились! Отец мой и остыть не успел, не бойтесь, что в ночь Чжунъюань он вернётся за вами?

От гнева кровь бросилась ему в лицо, худенькие плечи затряслись.

— Вы хотите продать меня мужчине? Хорошо! Я сейчас же пойду и куплю себе мужа!

Впрочем, его крики и истерика не произвели на них впечатления. Су Лин, хоть и был вспыльчив и остёр на язык с чужими, в семье всегда был послушным и кротким гэ'эром. Их собственные дети, сын и дочь, частенько устраивали подобные сцены, но в итоге всегда сдавались.

Дядя с тётушкой тут же принялись спорить, кто из них проболтался, отчего Су Лин всё узнал. Они кричали друг на друга, покраснев от злости, и никто не хотел уступать.

Су Лин воспользовался моментом, когда они вышли, чтобы продолжить ссору за дверью, и сбежал.

Подгоняемый гневом, он сел в повозку и добрался до города.

За полдня ярость улеглась, и теперь, стоя на пороге торговой гильдии, он колебался.

Отец умер внезапно, аптеки в городе больше не было. Единственным его пристанищем остался старый, давно заброшенный дом в деревне. Если он вернётся туда с купленным мужем, пересуды затопят их деревню Уси, как река Лунтань в половодье.

Эта мысль заставила Су Лина усомниться, но он всё же шагнул вглубь переулка.

Страшнее людской холодности после смерти близкого было осознание того, что те, кого он считал своей семьёй, оказались волками в овечьей шкуре. Они только и ждали, когда он останется беззащитным, чтобы содрать с него кожу, выпить всю кровь.

Вся их родственная любовь была ложью. Он жил под сенью отцовской заботы в мире фальши и расчёта.

Внезапно ярость вновь всколыхнулась в его душе. Он прислонился к высокой стене, сгибаясь от бессилия, и в его глазах плескались растерянность и отчаяние.

Если так обошлись с ним, то каково было его отцу, который всегда заботился о семье дяди и о своих сёстрах? Неужели он до самой смерти жил в окружении этой лживой любви?

При этой мысли в глазах Су Лина вспыхнул огонёк отчаяния, сменившийся страхом. Если бы не эта внезапная способность слышать мысли, он, как и в том кошмаре, оказался бы в ловушке несчастного брака.

Су Лин с силой откинулся на стену, прижавшись к ней затылком. Он прижал руку к груди, пытаясь унять бешено колотящееся от гнева и ужаса сердце.

«Чего мне бояться? У меня и так ничего не осталось».

Сами небеса сжалились над ним, позволив видеть истинное лицо людей. Так чего же ему теперь страшиться? Он бросил им вызов. Вернуться с пустыми руками — значит выставить себя на посмешище.

Они хотят продать меня мужчине? Так почему я не могу купить мужчину для себя?

Пусть говорят что хотят. Он, Су Лин, не из тех, кого можно мять, как глину.

<http://bllate.org/book/15320/1354517>